

3. Documents on British Foreign Policy. 2nd. Ser. Vol. 17. L., 1979.
4. Documents on German Foreign Policy. Ser. D. Vol. III. Washington, 1950.
5. Documents Diplomatiques français. 2e sér. T.3. Paris, 1966.

Литература:

1. Cross C. Adolf Hitler. L., 1973.
2. Dogliani P. L'Italia fascista. 1922-1940. Milano, Sansoni. 1999.
3. Jackson G. The Spanish Republic and the Civil War, 1931-1939. Princeton, 1965.
4. Kitchen M. Europe between the Wars. Political History. L., N.Y., 1995.
5. Whealey R. Foreign Intervention in the Spanish Civil War // The Republic and the Civil War in Spain. Ed. By R. Carr. L., N.-Y., 1971.

Ляхович Л.В.

Белорусский государственный университет культуры и искусств, г. Минск

ЕВРОПЕЙСКИЙ АБСОЛЮТИЗМ: ПРОБЛЕМНОЕ ПОЛЕ ИСТОРИОГРАФИИ

Проблема абсолютизма занимает одно из центральных мест в изучении социально-экономических, политических, культурологических и иных аспектов европейской истории Нового времени. Данное обстоятельство совершенно не случайно – появление европейского абсолютизма датируется границей XV – XVI века, а его уход с исторической арены – началом XX века (в частности, уничтожением монархий в России, Германии и Австро-Венгрии). Таким образом, абсолютистское государство, возникнув вместе с периодом Новой истории, будучи типичным образом связанным со всем ходом исторического процесса, прекращает свое существование вместе с эпохой Нового времени.

Определение абсолютизма, несмотря на некоторые уточнения, традиционно в справочной, учебной и научной литературе. Как один из примеров можно привести следующую трактовку этого понятия. Так, абсолютизм характеризуется как политический режим централизованных монархий Нового времени, в соответствии с которым власть должна быть полностью сосредоточена в руках верховного правителя. При этом отмечается, что само понятие «неограниченности» условно, т.к. недостаточное количество квалифицированных чиновников, растянутость коммуникаций, амбиции аристократии и церкви и многие другие факторы делают невозможным установление тотального контроля и централизации. Абсолютизм сменил в Европе сословно-представительную монархию, а в Азии развился из других государственных форм. При этом монарх рассматривается как единственный источник закона, власть его не ограничива-

ется ни обычаем, ни каким-либо органом власти; монарх распоряжается казной, устанавливает налоги, имеет в своем распоряжении профессиональную армию и разветвленный аппарат чиновников с жестко регламентированными функциями, что ведет к унификации управления. Абсолютистское государство активно вмешивалось в экономику, усиливало ее милитаризацию, защищало национальное производство в соответствии с принципами меркантилизма, в то время как непререкаемый авторитет высшей власти поддерживался идеологически [1]. Справедливо отмечается также, что вопрос о социальной базе абсолютизма остается дискуссионным; при этом нужно отметить различную трактовку этой проблемы как в российской, так и в зарубежной историографии.

Так, в дореволюционной российской историографии возникновение абсолютизма признается целиком закономерным в период разрушения хозяйственной автономии феодального общества, перехода к товарно-денежным отношениям и новой организации экономики. Для этого необходимо объединить страну, устранив остатки феодальной раздробленности и амбиции крупных феодалов на местах. Поэтому нужна была власть, облеченная большими полномочиями, независимая от сословного представительства, а опорой этой власти мог быть только торговый и промышленный класс (т.е., буржуазия). Впоследствии абсолютистская власть сочетала в своей политической практике интересы как буржуазии, так и феодалов-землевладельцев, опираясь на поддержку духовенства [2]. Таким образом, основной акцент ставился на интересы укреплявшегося класса буржуазии, что нашло затем свое развитие в концепции торгового капитала как двигателя исторического развития в работах одного из крупнейших российских историков первой трети XX в. М.Н. Покровского (1868-1932).

После Октябрьской революции, в связи с известной ситуацией в общественных науках, в советской историографии возобладала концепция абсолютизма как арбитра в условиях «равновесия» сил буржуазии и дворянства, в соответствии с марксистской методологией. При этом практически не делалось различий в трактовке абсолютизма разных стран, абсолютизм рассматривался как полицейское государство, призванное, с одной стороны, подавлять народные массы, а с другой – делать буржуазию политически бессильной и отвлекать ее от революции [3].

Чтобы преодолеть такое несомненное упрощение, понадобилась дискуссия советских историков – сторонников и противников «равновесия», проходившая в 60-х-70-х гг. на страницах журналов «История СССР» и «Вопросы истории». В дискуссии приняли участие такие известнейшие советские специалисты, как С.М. Троицкий, А.А. Преображенский, С.А. Покровский, А.Я. Аврех, М.П. Павлова-Сильванская, А.Н. Чистозвонов, А.М. Сахаров, И.А. Федосов, и др. Огромный вклад в разработку проблем абсолютизма в послевоенной советской историографии внесли Б.Ф. Поршнев, С.Л. Сказкин, А.Д. Люблинская, В.Н. Малов, П.П. Черкасов и др. Рассмотрение работ названных историков может служить предметом отдельного историографического анализа. Период советской послевоенной историографии, несмотря на марксистские рамки, дал позитивные результаты. Во-

первых, потеряла свою силу концепция «равновесия», абсолютизм стал рассматриваться в теснейшей связи с условиями конкретных государств (особенно рельефно это было показано во время дискуссии 60-х -70-х гг. на примере российского абсолютизма); во-вторых, большое внимание стало уделяться аспектам внутренней политики, при этом как образец рассматривался французский (классический) вариант абсолютизма. Поэтому совершенно не случайно, уже в постсоветское время, была дана типология социально-экономического развития европейских регионов, а также выделены и разновидности абсолютизма, - французского, прусского, испанского, шведского, российского и др. [4].

В данный момент абсолютизм рассматривается как результат взаимодействия множества факторов – социально-экономических, внутри- и внешнеполитических, культурных, психологических во всем разнообразии специфики европейских стран. Огромное внимание уделяется роли субъективного фактора и в соответствии с этим анализу личностей монархов. Новой является и проблематика разработки идеологического обоснования власти, ее ритуалов и символической презентации [5].

В зарубежной историографии, особенно французской, проблеме абсолютизма уделяется значительное внимание, т.к. Франция традиционно считается страной образцового, классического абсолютизма. Показательно и то, что историки разных поколений школы «Анналов» - Ф. Бродель, П. Шоню, Э. Ле Руа Ладжори и др., делающие акцент на изучении обеспеченности ресурсами, производства, торговли, демографических изменений, т.е. всего того, что именуется «материальной жизнью», ни в коей мере не оставляют абсолютизм на периферии своего внимания. Разумеется, первичными в данном контексте выступают экономические изменения, но, например, П. Шоню формулирует типологию европейских регионов [6, с 339-340], что, учитывая время появления работы на французском языке (1984 г.) не могло не повлиять на аналогичную российскую концепцию. Автор проводит детальный имущественный и социальный анализ сословий в Европе позднего феодализма и утверждает, что «опорой короля Франции были католические чиновники и протестантские банкиры... Построение государства остается крупнейшим экономическим деянием классической Европы» [6, с 370].

Значительным вкладом в изучение французского абсолютизма является работа Э. Ле Руа Ладжори «История Франции. Королевская Франция. От Людовика XI до Генриха IV. 1460-1610», являющаяся частью более масштабного рассмотрения французского абсолютизма до Великой французской революции. Автор, в соответствии с традициями школы «Анналов», уделяет огромное внимание «материальным» и демографическим факторам, но не только, - в его поле зрения теоретическое правовое обоснование королевской власти, анализ ее сакральной символики, а также акцентирование внимания на неписаном договоре монарха со своими подданными о взаимных обязательствах. Сама же классическая монархия включена в период между 1450 и 1789 годами, что соответствует «удлиненному во времени» Старому порядку [7, с. 5-42]. Анализируя социальные, экономические, религиозные, психологические, культурные и иные факторы, уделяя внима-

ние личностным характеристикам властной элиты, автор показывает не только механизм формирования абсолютизма и гибкости государственной власти, но и указывает на его особенности в сравнении с монархиями других стран. Так, правление Генриха IV названо «открытым» протоабсолютизмом [7, с. 284], а период 1610-1774 г. – непосредственно абсолютизмом, или «поиском абсолюта» [7, с. 5]. Автор обращает также внимание на то, что в результате религиозных войн и гибкости власти «победившая модель (национально-государственная) в том, что касается власти, ведет во Франции к усилению абсолютизма, но в сфере духовной культуры... порождает полулиберальную модель» [7, с. 289].

Однако было бы явным упрощением игнорировать точку зрения английских историков. Так, Н. Дэвис в «Истории Европы» отмечает следующее: «Абсолютизм в особенности нужно рассматривать с осторожностью. Это не то же самое, чем цари и султаны, не имевшие никаких институциональных преград в своей власти. Но абсолютизм и больше, чем просто дух авторитаризма... Несомненно, корни абсолютизма следует искать в позднем феодальном периоде, когда укреплявшиеся монархии боролись с вековыми привилегиями провинции и дворянства, а также – и католическом мире, где католическая церковь не подчинялась прямому политическому контролю... Абсолютизм невозможен ни в условиях протестантизма, ни в условиях православия... В Британии, Пруссии, Польско-Литовском государстве и в России абсолютизма не было никогда по весьма различным причинам» [8]. Автор акцентирует внимание на идеологических и политических аспектах абсолютизма, при этом за «точку отсчета» берет французская абсолютная монархия.

Однако проблематика абсолютизма далеко не исчерпывается высказанными тезисами, несомненно, заслуживающими внимания. В 1992 г. на английском, а в 2003 г. на русском языке вышла книга британского историка Н. Хеншелла с красноречивым названием – «Миф абсолютизма». Автор на протяжении всего исследования опровергает основные теоретические положения концепции абсолютизма. Он анализирует социальный состав правящей элиты, степень централизации, идеологические построения, роль сословных органов, фискальную политику государства, жизнеспособность монархий и попытки реформ и многое другое. Вывод совершенно однозначен: термин «абсолютизм» не соответствует своему содержанию, он деформирует и искажает исторические реалии, порождает историографические штампы, ставит в один ряд страны в совершенно разными моделями развития (например, Францию и Россию), исключает Англию из общеевропейского исторического процесса. Автор так подводит итог своей работы: «...абсолютистский сценарий поздно исправлять. Никакие вырезки и переписывания не смогут его спасти... Сохранять название «абсолютизм», изменяя большую часть его содержания – полумера, ведущая к непоправимым заблуждениям... нет нужды далее продлевать ему жизнь» [9].

Сказанного выше достаточно, чтобы понять, насколько сложна и неоднозначна проблематика европейского абсолютизма, что бы ни подразумевалось под этим термином. Соответственно, огромные перспективы открываются це-

ред историками – исследователями Нового времени; в равной степени важен и актуален и историографический анализ феномена абсолютизма.

Литература:

1 Марасинова, Е.И. Абсолютизм / Е.И. Марасинова // Новая российская энциклопедия / гл. ред. А.Д. Некипелов. Т.2. – М.: «Энциклопедия», «Инфра-М», 2005. – С. 26-27.

2 Дживилегов, А. Абсолютизм / А. Дживилегов // Энциклопедический словарь русского библиографического института Гранат / под ред. проф. Ю.С. Гамбарова [и др.]. – Т.1. М.: Редакция и экспедиция «Русского библиографического института Гранат», Б.г. – С. 64-73.

3 Абсолютизм // БСЭ. – 2-е изд. – М.: 1949. – Т. 1. – С. 31-33.

4 История Европы с древнейших времен до наших дней: В 8 т. Т.4. Европа нового времени (XVII – XVIII вв.) / Е.Б. Черняк, М.А. Барг, В.Н. Малов и др.; Редкол.: М.А. Барг (отв. ред.) – М.: Наука, 1994. – 508 с.

5 Королевский двор в политической культуре средневековой Европы: Теория. Символы. Церемониал / Отв. ред. Н.А. Хачатурян; Московский государственный университет; Ин-т всеобщей истории. – М.: Наука, 2004. – 540 с. См. также: Священное тело короля: Ритуалы и мифология власти / Отв. ред. Н.А.Хачатурян; Ин-т всеобщ. Истории РАН; МГУ им. М.В.Ломоносова. – М.: Наука, 2006. – 484 с.

6 Шоню, П. Цивилизация классической Европы / Пьер Шоню; Пер. с франц. и послесл. В. Бабинцева. – Екатеринбург: У-Фактория, 2005. – 608 с.

7 Ле Руа Ладори, Э. История Франции. Королевская Франция. От Людовика XI до Генриха IV. 1460-1610 / Эмманюэль Ле Руа Ладори; Пер. с фр. Е.Н. Корендясова и В.А. Павлова. – М.: Междунар. отношения, 2004. – 416 с.

8 Дэвис, Н. История Европы / Н. Дэвис; Пер. с англ. Т.Б. Менской. – М.: ООО «Издательство АСТ»; ООО «Транзиткнига», 2004. – С.425-426.

9 Хеншелл, Николас. Миф абсолютизма: Перемены и преемственность в развитии западноевропейской монархии раннего Нового времени / Пер. с англ. А.А. Паламарчук при участии Л.Л. Царук, Ю.А. Махалова; отв. ред. С.Е. Федоров. – СПб.: Алетейя, 2003. – С. 240.

Хмара А.В.
БТУ, г. Гомель

ОЛИМП: ЭТИМОЛОГИЯ НАЗВАНИЯ ОБИТЕЛИ БОГОВ

При изучении истории древнего мира и, прежде всего, Античной Греции мы непременно сталкиваемся с такими понятиями, как «Олимп», «олимпийские боги». Однако спроси любого, что означает слово «Олимп», и он вряд ли даст